

Н. П. ЛИХАЧЕВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том I

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ
ВИЗАНТИЙСКОЙ И РУССКОЙ
СФРАГИСТИКИ

ББК 63.2
Л 65

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Р е ц е н з е н т ы:

Доктор исторических наук *Н. А. Соболева*
Кандидат исторических наук *А. В. Шеков*

Лихачев Н. П.

Л 65 Избранные труды. Т. 1: Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 496 с.

ISBN 978-5-9551-0710-3

Первый том «Избранных трудов» академика Николая Петровича Лихачева (1869—1936) состоит из двух выпусков «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики». Эти работы имеют большое значение для изучения истории средневековой Руси и сопредельных с ней стран X—XV вв. Глубокие знания автора «Материалов» во вспомогательных исторических дисциплинах до сих считаются непревзойденными. Его специальные труды, посвященные описанию печатей, монет, икон, филиграней, письменных и материальных памятников прошлого о происхождении русской знати заложили прочный фундамент таких дисциплин, как сфрагистика, нумизматика, филиграноведение и генеалогия. Они представляют собой образец и для современных исследователей.

Для специалистов-историков, источниковедов, сфрагистов, нумизматов и генеалогов, а также широкого круга читателей, интересующихся средневековой историей Византии, России и Восточной Европы.

ББК 63.2

В оформлении обложки использованы печати из коллекции Н. П. Лихачева.
Источник: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв. М.: Искусство, 1980. № 10

*На задней стороне обложки портрет Н. П. Лихачева работы
В. Д. Фалилеева. 1992. СПбИИ РАН.*

Источник: «Звучат лишь письма...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. (20 апреля—22 июля 2012). СПб.: 2012.

Издательство благодарит А. В. Кузьмина
за неоценимую помощь в подготовке данного издания

ISBN 978-5-9551-0710-3

© Кузьмин А. В., предисловие, 2014
© Языки славянской культуры, 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Кузьмин А. В. Николай Петрович Лихачев: историографические заметки I—XXX

Вып. I	1—175
Предисловие.....	I
Введение.....	1—11
I. Княжеские печати, сохранившиеся при документах (типы княжеских печатей XII, XIII и начала XIV веков).....	12—54
II. Русские хрисовулы.....	55—58
III. Вопрос о начале русской сфрагистики и о способах определения анонимных печатей.....	59—66
IV. Печати, определяемые, как княжеские на основании подлинников, сохранившихся при актах.....	67—102
I. Тип со «Спасителем».....	67—71
II. Тип со святыми на обеих сторонах.....	71—89
III. Тип с изображением всадника.....	89—96
IV. Печати с изображением свв. Бориса и Глеба.....	96—102
V. Печати с формулой «Господи помози».....	103—134
VI. Греко-русские печати Моливдовулы с надписями на греческом языке.....	135—171
Дополнение.....	172—175
Вып. II	1—279
VII. Печати митрополитов Киевских и епископов Галича, Смоленска и Полоцка.....	1—18
1. Печати митрополитов киевских.....	1—14
2. Греческие печати епископов Галича и Смоленска.....	14—17
3. Печати епископов Полоцких и города Полоцка.....	17—18
VIII. Печати с надписями ѡт ратибора и днѣслово	19—29
IX. Изображения на печатях до-монгольского периода.....	30—45
X. Печати с изображением тамги или родового знака.....	46—269
Дополнение.....	269—279

ТРУДЫ МУЗЕЯ ПАЛЕОГРАФИИ — I

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ

I.

КНЯЖЕСКИЕ ПЕЧАТИ, СОХРАНИВШИЕСЯ ПРИ ДОКУМЕНТАХ
(ТИПЫ КНЯЖЕСКИХ ПЕЧАТЕЙ XII, XIII И НАЧАЛА XIV ВЕКОВ).

ЧТОБЫ обосновать предположения относительно того, какие печати возможно приписывать русским князьям, необходимо подробно рассмотреть все сохранившиеся до нашего времени, несомненные княжеские печати.

Древнейшим сфрагистическим памятником является печать при знаменитой Мстиславовой грамоте.

«У истока Волхова из Ильменя», говорит И. И. Срезневский,¹ «на левом его берегу, в версте ниже Перьяна холма, где когда-то — как говорят — стоял кумир Перуна, версты с три выше Кремля Новгородского, против Городища, где был когда-то двор князей Новгородских, расположен монастырь Юрьев, на всхолмьи, которое в большое половодье превращается в остров, окруженный обширным пространством разлива» (стр. 3). Юрьев монастырь — одна из древнейших святынь Новгородских — обладает до сих пор хранящейся в его ризнице пергаменной грамотой, пожалованной монастырю от великого князя Мстислава и сына его князя Всеволода: «се азъ Мъстиславъ Володимиръ снѣ държа роуьскоу землю къ свое княженне повелѣлъ ксмь снѣоу своѣмоу Всеволодоу . . .».²

Грамота написана на имя игумена Исайи, следовательно не раньше 1128 года, так как до этого времени игуменом был Кириак. Грамота дана от имени обоих князей, следовательно, надо думать, когда они были

¹ И. И. Срезневский «Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.)» (СПб., 1860. 80), отд. отд. из 1-го выпуска IX тома Известий II Отделения Академии Наук.

² См. В. П. Ласковский «Путеводитель

по Новгороду», изд. II (Новгородъ. 1913) стр. 188. С. З. Бураковский «Путеводитель по Новгороду и его окрестностям» (Новгородъ, 1891), стр. 134. М. И. Полянский «Новгородская памятка для туристов». Новгородъ. 1897, стр. 256—257.

вместе. В 1130 году князь Всеволод «*ходи Кыкву къ отцю*». Почти безусловно несомненно, что документ написан именно в этом году. Хронологические колебания, впрочем, ничтожны, так как великий князь Мстислав Владимирович скончался в 1132 году.

И. И. Срезневский дает точное описание драгоценного и единственного в своем роде «златописного» памятника: «грамота Мстислава и Всеволода написана на продолговатом четверугольном куске пергамена по наводам, правильно и очень резко надавленным острием ножа или каким-нибудь подобным орудием, как в поперек страницы, так и по обеим сторонам ее для обозначения расстояния и длины строк. . . Вся грамота писана золотым раствором, в котором золото (чистое, как оказалось при химическом анализе) соединено с растительным клеем, который теперь невооруженному глазу кажется цвета коричневого, а под микроскопом лиловатого, и первоначально был, вероятно, цвета вишневого. Золото в этом клее представляется в виде очень мелких крупынок» (I. с., стр. 5—6).

В настоящее время грамота сохраняется в рамке под стеклом, но в свое время она была сложена в очень маленький пакет, ширина которого не превышала диаметра печати, которая и оказывалась на наружной стороне пакета. Такой способ складывания и хранения актов подмечается и на сохранившихся до нас документах XIV века (например, Кремлевская находка), а равно и на единственной в своем роде мировой сделке Тешаты и Якима (при князе Довмонте, вторая половина XIII столетия).

И. И. Срезневский относительно грамоты в. кн. Мстислава высчитал, что «она была согнута: 1) по ширине листа в шесть полос так, что все написанное оставалось внутри свертка (следы сгибов находятся — под 3-й строкой, под 7-й, под 11-й, под 15-й и под 20-й); 2) в таком свернутом виде она еще согнута поперек справа на лево, на две части почти пополам, и потом левый конец был подвернут на $\frac{1}{3}$ долю, а правый пополам. Так сложенная грамота могла быть вложена в футляр менее квадратного вершка, вышиною не более $\frac{1}{3}$ вершка» (I. с., стр. 7).

Печать давно уже оторвалась от пергамена и хранится отдельно.

«В обветшавшем виде», свидетельствует И. И. Срезневский, «сохраняется и печать уже без мотоуза, который еще не так давно был цел и был, как говорили, шелковый. Печать — величиною в полтинник, серебряная, позолоченная, состоит из двух тонких листков, которые были спаяны так, что мотоуз крепко держался между ними. На одной стороне этой печати — изображение Спасителя с надписью по сторонам лика ІС и Х, а на другой — изображение, вероятно, Михаила Архангела, поражающего змия» (I. с.,

стр. 8).¹ В таком определении академик И. И. Срезневский повторил мнение первого исследователя и издателя грамоты и печати митр. Евгения Болховитинова,² который высказался (и без «вероятно»), что изображен св. Михаил Архангел, поражающий змия. С определением митрополита Евгения согласился А. Лакиер³ и дал на табл. IV перерисунки изображения, изданного в гравюре А. Флерова Евгением. За Лакиером последовал в 1861 году и барон Кене.⁴ То же мнение повторено в «Путеводитель по Новгороду» С. З. Бураковского,⁵ держался его архимандрит Макарий и вообще оно было общепризнанным долгое время.

В 1903 году М. И. Полянский высказал⁶ новое самостоятельное суждение: «на лицевой стороне изображен Спаситель, восседающий на троне, а на оборотной стороне фигура воина, поражающего копьём змея. Архимандрит Макарий в своем «Описании церковных древностей в Новгороде» (ч. II, стр. 146), в лице воина видит архангела Михаила. Мы же склонны думать, что фигура воина изображает св. Георгия, или же самого Всеволода. Не говоря уже об иконописном подлиннике, не упоминающем об архангеле Михаиле без крыльев, это мнение может быть подтверждено сходством фигуры воина с изображением св. Георгия в Юрьевом монастыре. Если же наше мнение ошибочно, то и ошибка архимандрита Макария очевидна, Всеволод Мстиславович во святом крещении носил имя Гавриила, поэтому, если признать в означенной фигуре архангела, то он должен быть соименным князю, т.-е. Гавриил, а не Михаил» (стр. 32—33). В «Новгородской памятке для туристов»⁷ тот же М. И. Полянский высказывается более решительно: «у грамоты вислая печать с изображением на лицевой стороне Иисуса Христа, а на оборотной самого князя с мечем» (стр. 64).

Что на печати изображен св. воин, а не архангел — это несомненно. И изображен этот св. воин не портретно только, а в целом действии — в борьбе со змеем, готовый, если удар копьём не будет решительным, обра-

¹ М. П. Погодинъ в «Атласъ къ его «Древней Русской Исторіи до Монгольскаго ига», дал снимок с грамоты Мстислава на л. 134 и принял объяснение И. И. Срезневскаго.

² См. «Вѣстникъ Европы» за 1818 год, №№ 15, 16 (снимок не при самой статьѣ, а через № при замѣткѣ Редакціи).

³ «Русская Герадика», кн. I (СПб. 1855. 80), стр. 105—106.

⁴ В. de Koehne «Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie», I partie, Berlin. 1861. 40, p. 2.

⁵ С. З. Бураковскій «Путеводитель по Новгороду и его окрестностямъ» (Новгородъ. 1891), стр. 134—135.

⁶ «Новгородскія вислая печати княжія, владычныя, посадничьи, намѣстничьи, воеводъ и тысяцкихъ», отд. отт. из новгородской газеты «Волховской Листокъ», за 1903 г. №№ 93 и 94.

⁷ М. И. Полянский «Новгородская памятка для туристов», изд. Е. В. Нерушевой (Новгородъ. 1907. 160).

тяться к мечу. Изображение св. воина в такой момент, без щита, с рукой хватающейся за меч не принадлежит к числу обычных византийских изображений. В «Путеводителѣ по Новгороду» издания 1913 г. сказано: ¹ «жалованная грамота великого князя Мстислава Владимировича... древнейший памятник русской письменности, с вислою печатью, на одной стороне которой лик Спасителя, на другой — изображение Феодора Стратилата в чуде его со змием. До последнего времени в изображении этом видели св. Архистратига Михаила, но в настоящее время установлено, что это есть изображение св. Феодора Стратилата...» (стр. 188).

Кем и где установлено — не сказано. Во всяком случае это толкование совершенно правильное. В лекциях по дипломатике мы развивали его с 1905—1906 годов, в печать наше мнение попало в 1909 г.²

Изображений печати Мстиславовой грамоты было сделано несколько. Первый издатель и исследователь грамоты, митрополит Евгений Болховитинов, дал в 1818 году снимок в гравюре работы А. Флерова, этот рисунок перерисован в «Русской Геральдикѣ» А. Лакиера. Академик И. И. Срезневский (I. c.) дал новый рисунок, на котором плащ святого, меч, который он держит, и рукоятка, видная в изображении у Лакиера, совершенно ступшеваны. Трудно предположить также, чтобы «напись» на подлиннике была «IC» — «X», а не «IC» — «X(C)».

Очень хороший рисунок, подчеркивающий некоторые мелочи изображения, оставил нам археолог-художник Н. А. Мартынов (рис. 6), но в настоящее время мы имеем возможность дать воспроизведение по слепку

Рис. 6. Изображение печати Мстиславовой грамоты по рисунку художника Н. А. Мартынова, хранящемуся в Московском Историческом Музее.

¹ В. П. Ласковскій «Путеводитель по Новгороду», изд. 2 (Новгор. 1913. 80). В 1914 г. сделано было новое издание грамоты. Н. А. Марксъ в статье «Двѣ старѣйшихъ русскихъ грамоты изъ дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ» дал фототипические снимки с обеих (Мстиславовой и Хутынской) грамот. См. «Древности», т. XXIV (1914). Фототипия печати, сделанная непосредственно с подлинника превосходна. Относительно изображений автор придерживается старого толкования: «На одной стороне печати изображен восседающий Спаситель, на другой, вероятно, архангел Михаил, поражающий змия» (стр. 3).

² В отчете о заседании Генеалогического

Общества, помещенном в «Новомъ Времени» (№ 11810 от 27 января 1909 г.) упоминают: «к сообщению этому (С. Л. Пташицкого о Геральдическом Обществе во Львове) доктор истории Лихачев присоединил свои некоторые дополнения о значении работ этого Геральдического Общества для русской сфрагистики». Относительно печати Мстиславовой грамоты рецензент записал, что изображен не архангел Михаил, а Феодор Стратилат в чуде со змием. Грамота монастырю была дана Мстиславом Владимировичем и его сыном «... изображение св. Феодора, знак именной, тезоименный, так как православное имя князя было Феодор».

с подлинника в натуральную величину и в увеличенном размере для лучшего уяснения изображения святого (рис. 7).¹

Как всегда, оттиск на серебряной пластинке вышел менее отчетливо, чем если бы он был сделан на свинце. Мы можем сравнить, однако, хри-

Рис. 7. Печать великого князя Мстислава Владимировича при грамоте 1130 года (по слепку с подлинника).

совул грамоты с подобными оттисками. На таблицах IX под № 1 и LI под № 3 — воспроизведены два экземпляра печати великого князя Мстислава на свинце, оба найденные в Новгороде Великом. К сожалению эти экземпляры, привешенные, вероятно, к неважным документам, оттиснуты на небольших, недостаточных кусках свинца и матрица вышла далеко не полно. Достаточно сказать, что хрисовул имеет 30 мм в диаметре, а свинцовые печати 20 и 22,5 мм. Но и в таком виде они помогают разглядеть детали изображения.

На одной стороне «Господь Вседержитель», сидящий на престоле, без спинки,

престол покрыт пышной подушкой. Правая рука (что не оттиснулась на хрисовуле) далеко отведена в сторону в благословляющем жесте, в левой закрытое евангелие, почти квадратного формата.²

На другой стороне св. воин изображен в быстром движении. Прекрасно выражено и движение, и усилие. Правая нога наступила на туловище змия, который высоко поднял голову, раскрыв пасть. Св. воин правой рукою вонзил в пасть копьё, а левой рукою, отставленной под прямым углом назад, прихватил за ножны меч, ниже рукоятки. Изображен мо-

¹ См. на табл. LV, фототипическое воспроизведение в величину подлинника.

² Древние дестевые рукописи вплоть до начала XV столетия (и даже позже) отлича-

ются шириною, сравнительно с позднейшими. Старейшие бумажные рукописи заимствовали формат от наиболее употребительного формата пергамента.

мент, когда в случае, если бы удар копьем не решил боя, святой правой рукой выхватил бы меч из ножен. На войне латы, из-под которых почти

Рис. 8. Изображение св. Феодора в композиции «Чудо о змии» на византийской эмали.¹

до колен более легкое матерчатое одеяние. За спиною, застегнутый спереди, развевается длинный плащ. Работа той и другой стороны очень хорошая, резко выраженного византийского стиля.

¹ Подлинная икона находится в Отделении Византийских Древностей Эрмитажа.

Аналогию на византийских печатях подобрать не так легко, но просматривая памятники византийской сциллографии, мы не можем не обратить внимания на рисунок небольшой печати, помещенной G. Schlumberger в дополнениях к корпусу под № 97.¹ Несмотря на приблизительность рисунка и плохую сохранность печати ясно различается св. воин, наклонившийся вперед, поражающий копьем и хватающийся левой рукою за меч. Надпись сохранилась: Ο ΘΕΩΔΩΡΟΣ = св. Феодор, т.-е. святой Феодор Стратилат в «Чуде о змии».

На русских иконных изображениях за св. Феодором обыкновенно изображается его конь, эту композицию мы ниже увидим и на русских печатях. Находим ее и на одном византийском изделии — на эмалевой иконе, поступившей из собрания Базилевского в Эрмитаж (см. рис. 8). На этом памятнике мы видим ту же композицию, что на печати в. кн. Мстислава Владимировича, но в обратную сторону. По силе движения иконное изображение значительно уступает, на нем святой, как бы без усилия просто карает змея.

На византийской печати, на другой ее стороне, краткая надпись: + ΡΑΘΥΡΙΑΚΙΤΙΣ, которая почти теми же буквами повторяется и на иконе. Это эпитет к такому изображению св. Феодора.² Почему на печати в. кн. Мстислава Владимировича изображен св. Феодор — это совершенно ясно. Еще митрополит Евгений указал, что крестное имя князя Мстислава было Феодор.³ Это известно из надписи на знаменитом Мстиславовом евангелии — «князю Θεωδωρου δ μιρσκι Μυστισλαβου».⁴ Вот почему князь Мстислав создал церковь и монастырь «Феодоровский» в Киеве, в котором был погребен и сам, и его дети.

¹ См. «Mélanges d'Archéologie Byzantine». Paris. 1893. 80, p. 231. Статья впервые напечатана в журнале: «Revue des études grecques» (Les Sceaux Byzantins inédits, seconde série).

² Печать, изданная G. Schlumberger (Sceaux Byzantins inédits, под № 97) с изображением чуда св. Феодора Стратилата о змии и с надписью на другой стороне

Ο ΡΑΘΥΡΙΑΚΙΤΙΣ

описана К. М. Константинопуло в Каталоге моллидовулов Афинского собрания под № 613. По поводу значения на этом памятнике («10—11 столетия», возможно, что и точнее — «11 века») эпитета «ὁ Βαθυριακίτις», К. М. Константинопуло делает примечание:

«μήπως τό προκειμενον ἀνήκει εἰς μονήν Θεοδώρου Βαθυριακίτου». Предположение, что печать может быть монастырскою, монастыря св. Феодора Вафприакита, более, чем вероятно, если можно установить существование монашеской обители с таким наименованием.

³ Великий князь Мстислав Владимирович, по крестным именам величался бы теперь «Феодором Васильевичем».

⁴ См. труд П. К. Симони «Мстиславово евангелие начала XII вѣка», изд. Императорского Общества Любителей Древней Письменности (СПб. 1904, in folio.) См. также П. Биллярский «Состав и мѣсяцесловъ Мстиславова списка Евангелия» (СПб. 1861. 80).

Таким образом мы устанавливаем, прежде всего, факт, что древнейшая великокняжеская печать анонимна. Если анонимной печатью пользовался в. кн. Мстислав, то мы имеем право искать среди анонимных печатей памятников, относящихся и к другим князьям. Печать в. кн. Мстислава по внешности и по впечатлению от работы ее имеет отличия от византийских моливдулов, но в то же время она так близка к ним, что должна быть признана всецело продуктом византийского влияния. В отношении к русским печатям, найденным в земле, она должна служить хронологической базой и мерилом.

Окончательный вывод — тип княжеской печати XII века, единственной известной нам при документе, анонимный, с одной стороны изображение Спасителя (что было в обычае в это время для императорских моливдулов), с другой стороны тезоименитого князю святого.¹

Тип печати Мстиславовой грамоты находит отражение в печатях первой половины XIII столетия, т.-е. через столетие. Печать Мстислава по работе много тоньше, искуснее памятников XIII века, но все-таки по стилю она новшество среди современных ей печатей. Если бы мы не знали Мстиславовой грамоты и ее текста, хрисовул этот скорее отнесли бы к концу XII столетия, чем к его началу.

Изображение Спасителя, впрочем, в этом именно варианте находим еще со времени Исаака Комнина.

¹ В дополнение к описанию печати великого князя Мстислава Владимировича, приведем еще рисунок (№ 9) с фрагмента свинцовой печати — другой матрицы, но принадлежащей тому же князю.

Рис. 9. Печать великого князя Мстислава Владимировича (2-я матрица).

С одной стороны Господь Вседержитель, сидящий на престоле, с другой — св. Феодор в том же переводе чуда о змии. Положение руки с мечем совершенно то же, но плаща нет. Над плечем и рукою мелкая надпись:

Θ Ε
Δ Ο
Ρ (Γ Ξ ?).

Диаметр экземпляра около 22 мм; печать найдена в Новгороде Великом, находится в собрании автора (воспроизведена на табл. LIV, № 11).

Древний Рижский Архив сохранил значительное количество драгоценных русских документов.¹

Среди них выдающееся место занимают несколько вариантов «Смоленской Торговой Правды», которая состоит из договора между Смоленском, Ригю и Готландом, заключенного в 1229 году и только дополнявшегося в последующее столетие.

Договорные грамоты писались по числу участвовавших сторон и укреплялись печатями. На экземпляре, который хранился в Смоленске, должны были быть печати Рижских властей, на экземпляре в Риге — печати властей Смоленских. Великим князем Смоленским был в это время Мстислав (Феодор) Давидович, правнук Мстислава (Феодора) Мстиславовой грамоты. Основной текст стóроны, конечно, приготовили на родном языке — по-немецки и по-русски, придя к соглашению относительно перевода. Из сохранившихся списков можно заметить, что при последующих возобновлениях «правды», перевод иногда подновлялся, очевидно, вследствие возникших сомнений в точности.

Подробному исследованию всех списков договора посвятил немалый труд проф. П. В. Голубовский в «Исторіи Смоленской земли до начала XV столѣтія» (Киев. 1895. 8^о). Отметив существование *восьми* списков текста и обозначив их буквами латинского алфавита А, В, С, D, E, F, G и К, проф. Голубовский определяет наличие двух редакций — древнейшей А, В, С, и позднейшей в четырех списках D, E, F, G, которые по его мнению в том виде, как они дошли до нас, написаны не ранее второй половины XIII столетия. Список К стоит особняком.

Относительно второй редакции пришлось, однако, оговориться: «Но дело в том, что эти позднейшие копии сняты с какого-то более древнего оригинала». Далее, чтобы выяснить соотношение между списками А и D, проф. Голубовский допускает предположение о первоначальном латинском тексте документа, и о двух древнейших переводах на русский одновременно — с немецкого (= А) и с латинского (D¹ и D). Это рассуждение формулируется так: «Таким образом, экземпляр Мстислава Давидовича (А), повидимому, есть перевод с немецкого языка на современное смоленское наречие, но латинская форма вступления показывает, что и немецкий оригинал в свою очередь есть перевод с латинского текста. Экземпляр же D¹, современный,

¹ Весьма интересное обозрение Рижского Городского Архива (с приложением подробной библиографии), заимствованное из книги «Сборникъ (статистическій) Рижскаго Город-

скаго Управленія», ч. I (Рига, 1909), напечатано в «Древностяхъ» (Московского Археологическаго Об-ва), т. 23, вып. 2 (М. 1914), стр. 190—192.

как мы видели выше, экземпляру Мстислава Давидовича (А), представляет собою просто перевод латинского текста на современное смоленское наречие. Эти соображения приводят нас к выводу, что при заключении договора в начале уполномоченными обеих сторон был составлен латинский текст, затем этот латинский текст договора был переведен с одной стороны на немецкий современный язык, потому что не все купцы Ганзейского Союза могли понимать латинский текст. В то же время и с такими же целями был переведен латинский договор на смоленское наречие. Немцы приняли перевод, сделанный с латинского языка на смоленское наречие и приложили к нему свои печати, как бы указывая этим, что Ганза принимает все условия, поставленные смольнянами (D¹). Затем немецкий перевод латинского текста был переведен на смоленское наречие, и к этому переводу были приложены печати князя Мстислава Давидовича и смоленского епископа (и, может быть, кого-либо из немецких представителей) (А). Затем текст с печатями немецких представителей (D¹) был взят в Смоленск, а текст с печатями Мстислава Давидовича и смоленского епископа (А) был оставлен в Риге» (стр. 125—126).

Таким образом, проф. Голубовский утверждает, что подлинные акты договора князя Мстислава Давидовича с немцами, написанные в двух экземплярах, — один для Риги, другой для Смоленска, по тексту не были одинаковы и представляли два разных перевода. Факт для двух *противней* — странный.¹ Можно было бы думать, что среди русских не было никого, понимавшего по-латыни и были понимавшие по-немецки, почему и пришлось для смольнян делать перевод с немецкого, но как же князь и граждане Смоленска (в лице епископа) утвердили, и приняли себе к руководству, не тот текст, который был сделан для них самих, а особый перевод с латинского, сделанный для немцев? Каким образом они не обратили внимания на то, что текст, по которому обязуются немцы, отличается от того, на который, при малейшем недоразумении в толкованиях, будут ссылаться русские.

Проф. Голубовскому его вывод относительно А и D¹ необходим потому что в результате его исследований стоит, как § 1: «Экземпляр А есть подлинный трактат Мстислава Давидовича с Ригой и Ганзой. Он был переведен на смоленское наречие с немецкого текста, который в свою очередь представляет собою перевод с латинского чернового проекта. Он был оставлен в Риге».

¹ Мы отнюдь не возражаем против того, что первоначальный текст был составлен на латинском языке, но только против того, что

в 1229 г. стороны разменялись документами, различающимися по тексту, хотя бы в мелочах.

Вывод проф. П. В. Голубовского основан, главным образом, на печати: «Экземпляр А представляет собой действительный оригинал Смоленской Торговой Правды. Это доказывается не только более древним языком его, сравнительно с списком Александра (Глебовича) и экземпляром С, но и сохранившейся на шнурке печатью с надписью: «Великого князя Феодора печать». Феодор было христианское имя князя Мстислава Давидовича (стр. 117). При этом проф. П. В. Голубовский ссылается на известную родословную книгу, изданную в X томе «Временника», в которой сказано: «князь Мстиславъ Давидовичъ во крещеніи Феодор» и на Ипатьевскую летопись.

Что князь Мстислав Давидович имел крестное имя Феодора — это совершенно верно, но его ли печать привешена к экземпляру А?

Печать эта воспроизведена нами на табл. IX под № 2 и представляет оттиск той же матрицы, что и №№ 3 и 4 той же таблицы.

С одной стороны надпись в пяти строках:

ВЄЛШ (или Ъ?)
КОГО
КНАΣΛ = Великого князя Федо(ра) печат(ь).
ΘЄДО
ПЄУАТ

С другой стороны лев в изображении стиля западно-европейской геральдики. Лев идет направо (= влево от зрителя). Правая передняя лапа поднята вверх, голова повернута к зрителю, хвост высоко поднят и изогнут над спиною.

Автор «Русской Геральдики», А. Лакиер, издатель «Русско-Ливонскихъ актовъ», академик А. А. Куник и проф. П. В. Голубовский — согласны в мнении, что печать эта великого князя Мстислава Давидовича, только составители каталога Археологической Выставки Съезда 1896 года в Риге¹ приписали печать князю Феодору Ростиславичу, не дав никаких разъяснений. Мы, с своей стороны, должны всецело присоединиться к этому последнему мнению.

Кроме хрисовула при списке А — совершенно такие же хрисовулы изображены нами на табл. IX под №№ 3 и 4 (по каталогу выставки 1896 года, №№ 928 и 929). Первая «золотая» печать привешена на крас-

¹ «Katalog der Ausstellung zum X Archäologischen Kongress in Riga 1896» (Riga. 1896. 80), См. описание № 923 (каталога выставки).

ном шелковом шнуре к грамоте Смоленского князя Феодора Ростиславича от 18 мая 1284 г.,¹ вторая при грамоте судной (по спору о гирях — «колоколъ») того же князя, относящейся также к 1284 г.,² привешена на зеленом шнуре.

Оба документа с именем князя, точно датированы и мы не имеем оснований предполагать, что князь Феодор Ростиславич пользовался чужой печатью, одного из своих предшественников (своего деда), также бывшего великим князем Смоленским.

Редакция Смоленской Торговой Правды А, есть такая же копия с договора князя Мстислава, как и редакция В. Список В был выдан князем Александром Глебовичем около 1300 г.,³ список А был послан в. к. Феодором Ростиславичем, может быть, вместе именно с тем документом 1284 г., который проф. П. В. Голубовский называет «присяжною грамотою». Соображения проф. П. В. Голубовского относительно D¹, проистекающие из изучения списка D, повидимому, совершенно верны. В 1229 г. был написан подлинный договор по переводу D¹ — только не в одном, а в двух одинаковых экземплярах для договаривающихся сторон — оба оригинала в настоящее время утрачены (сохранилась копия D). В 1284 году в. к. Феодор Ростиславич, подтверждая присяжную грамотою договор деда,⁴ для текста самого договора воспользовался переводом с немецкого (= А)

По самому типу печати мы придем к тому же выводу. Нам хорошо известен тип княжеских печатей XIV столетия, с титулом, именем и словом «печать» и мы тщетно стали бы искать этот тип в до-монгольском периоде. Печать в. к. Феодора Ростиславича, пока, начальный пример этой серии сфрагистических памятников.

С другой стороны, изображение льва в стиле западно-европейской геральдики — могло ли появиться на печати князя до-монгольской эпохи? На это мы ответим отрицательно не потому, что подобное изображение хронологически не могло появиться (особенно на печатях властителей таких местностей, как Галич, Смоленск, Полоцк), но потому, что все известное нам о русской сфрагистике до-монгольской эпохи свидетельствует отно-

¹ См. «Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», ч. II, № 3,

² Воспроизведено факсимиле в издании: «Грамоты, касающіеся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригю и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вв.» (СПб. 1837. In folio), под № IV.

³ По Голубовскому, стр. 131: «вскоре

после 1297 г.»; по каталогу Рижской Археологической Выставки: «сігса 1300». Александр Глебович приходился родным племянником в. к. Феодору Ростиславичу и сам был в. к. Смоленским в 1297—1313 гг.

⁴ Князь Феодор Ростиславич был сын Ростислава Мстиславича и внук Мстислава Давидовича.

нительно этой области юридического быта о сильном влиянии византийских образцов. Академик А. С. Лаппо-Данилевский в исследовании: «Печати последних галицко-владимирских князей и их совѣтниковъ» (СПб. 1906. 8^о) подробно разобрал изображения *льва* на монетах и печатях и пришел к выводу: «Гербы даже в западно-европейской сфрагистике появились довольно поздно; во всяком случае изображению льва на галицко-владимирской печати едва ли можно придавать геральдическое значение; это изображение могло, конечно, иметь смысл аналогичный с тем, который ему приписывали, например, в XIII—XIV вв.: оно служило символом власти, силы, мужества, великодушия, отваги и т. п. и в качестве такового была излюбленным украшением на многих гербах того времени» (стр. 27—28).

С таким заключением возможно не согласиться по отношению к галицко-владимирской печати 1316 года (XIV столетие, западно-европейский тип печати и по величине, и по содержанию; лев герб города Львова, монеты со львом, чеканенные для Галиции Казимиром Великим и т. д.), но вывод совершенно справедлив для льва на печати князя Феодора Ростиславича.

Этот лев — эмблема силы и власти — только изображение геральдического характера,¹ а не герб на щите. Рисунок заимствован из изображений западно-европейского искусства, но не непременно с печати. Однако на печати герцога Пшемыслава II (Przemysław) Польского (король 1295—1296), относящейся к 1289 году,² изображен на щите *лев*, напоминающий *льва* Смоленской печати.

К тому подлиннику Смоленской Торговой Правды, которая исследователями обозначается буквою А, рядом с печатью князя Феодора приложена вторая, также серебряная вызолоченная, печать епископа (см. на табл. XX, № 12).

Печать эта имеет трехстрочные надписи с той и с другой стороны:

1) П $\frac{\text{Т}}{\text{У}}$ А
 П Р Ъ О = печать Перьфурия (или Перфилия).

¹ Геральдически было бы правильнее назвать изображенного на печати зверя леопардизованным львом.

² F. A. Vossberg «Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen», (Berlin. 1834. 40); см. табл. 4. Отметим

еще фигуру льва на печати города Hainburg (печать «mindestens aus dem Beginn des XIII. Jahrhunderts») см. таблицу XV, № 9—в издании: Karl Lind «Blätter für ältere Sphragistik» (Wien. 1878. 40).

2) ВЛАДЫ

(с) МОЛЄ(М) = владыки Смоленского.

(с) КО(. .)

Мы не имеем сведений об именах смоленских владык второй половины XIII столетия, но по самому типу печать епископа Порфирия относится к памятникам эпохи после монгольского завоевания. По фактуре своей печать эта очень близка к привешенной рядом с нею печати князя Феодора и, стало быть, по времени изготовления матрицы должна относиться ко времени около 1284 года.

Кроме документа А существуют еще три подлинных акта, содержащих текст Смоленской Торговой Правды и укрепленных привешенными серебряными вызолоченными печатями.

Очень важны для нас печати (одного типа, почти совсем схожие) при списках Д и К.

Мы уже приводили мнение проф. П. В. Голубовского относительно текста Д, особенности которого заставили видеть в нем копию старейшего перевода Д¹. Сравнительно с списком А имеются однако отличия, указывающие на редактирование, да и заключительная фраза о времени написания указывает другую дату: в А — «ꙗ. лѣ и с. лѣ и ѿ лѣ и к» = 1228; в Д — «ꙗ. лѣ и с. лѣ и а. лѣ везъ лета» = 1229.

Заключающее текст Д прибавление, упоминающее об освобождении от постоя дворов, занимаемых немецкими гостями: «не поставити на томъ дворѣ князю ни татарина, ни иного которого посла» — как будто бы указывает на вторую половину XIII столетия, но эта фраза не более, как позднейшая приписка. «Übrigens», говорит А. А. Куняк, «ist dieser Zusatz von einer andern Hand, wohl erst in der 2. Hälfte des 13. Jahrhunderts, oder noch etwas später geschrieben» (стр. 415).

Таким образом, в датировке списка Д мы отнюдь не стеснены этим приписанным позднее условием. К акту Д были привешены, по крайней мере две печати — на красных шелковых шнурах. Уцелела лишь одна печать, от другой сохранился шнур.

Тонкие серебряные пластинки, стиснутые и спаянные по краям, как это обычно для русских хрисовулов, оттиснуты не совсем отчетливо, да и работа самой матрицы мало искусная. Печать представляет грубо исполненные изображения двух святых в рост, в длинных одеждах. Один святой, что заметно при внимательном рассмотрении, держит на груди крест, значит это мученик. Несмотря на расплывчатость изображений, над голо-

вами заметны возвышения, указывающие не на волосы, а на присутствие шапочек. Надпись вырезана так, что академик А. А. Куник пришел к выводу: «zu beiden Seiten derselben sind einige Buchstaben eingraviert, aus denen sich nichts mit Sicherheit entziffern lässt».

Приняв во внимание явную малоопытность резчиков, мы можем прочесть надписи и при том с несомненной точностью:

На одной стороне $\mathcal{L} \mathcal{O} \mathcal{H} - \mathcal{C} \mathcal{O} (\mathcal{B}) =$ вырезанное на оборот имя — Борис, т.-е. св. благоверный князь Борис.

На другой стороне: $\mathcal{L} \mathcal{B} - \mathcal{L} \mathcal{A} \mathcal{T} =$ Глеб, т.-е. св. благоверный князь Глеб.

Перед нами княжеская печать с изображениями двух святых. Какой смысл такой анонимной печати? Как мы увидим ниже по печатям князей XIII и начала XIV веков, один святой должен быть тезоименит самому владельцу печати, другой — отцу владельца.

Принимая во внимание остатки византийского влияния и в то же время необыкновенную для старейшей эпохи грубость работы печати князя, выдающейся по своему значению, русской области, мы должны остановиться на времени близком к началу монгольского ига и к половине XIII в.

Среди Смоленских князей после князей Мстиславов = Борисов мы не находим князя с именем Бориса, но перечень лиц, княживших в Смоленске после Мстислава Давидовича и до Феодора Ростиславича, так мал, что мы не можем не остановиться на Ростиславе Мстиславиче, у которого был сын Глеб Ростиславич, княживший с 1270 по 1277 год.

Описанную печать, относимую нами к князю Глебу Ростиславичу, следует сопоставить с серебряной вызолоченной печатью, сохранившейся привешенной к той редакции Смоленской Торговой Правды, которую проф. П. В. Голубовский обозначил буквою К, а в «Русско-Ливонскихъ Актахъ», академик А. А. Куник издал как «Anhang № II». В тексте этого пергаменного документа, скрепленного висящим «хрнсовулом» упомянуто: «како то было при моемъ ѿци, при Мьстиславѣ при Романовици, и при моемъ братѣ, при Мьстиславѣ. . .». Такое, повидимому, драгоценное по точности хронологическое показание на самом деле далеко не так определено: и брат, и отец, в данном случае, могут и не означать кровного родства. Родного брата Мстислава у детей Мстислава Романовича не было, да и какой же это Мстислав, князь Смоленский, если не Мстислав Давидович. Мог ли в это время двоюродный дядя быть «в версту» сыну своего старшего двоюродного брата?

Проф. П. В. Голубовский,¹ подробно разбиравшийся в вопросе об этой редакции Смоленской Правды, приходит к утвердительному выводу: «таким образом, экземпляр К, относится ко времени княжения в Смоленске Всеволода Мстиславича, который занял великокняжеский стол в 1239 г.». «Что Всеволод называет себя братом Мстислава, то это не противоречит нисколько нашему мнению: так он мог считать Мстислава Давидовича сравнительно со своим отцом Мстиславом Романовичем».

Рис. 10. Печать князя Смоленского Всеволода Мстиславича.

Посмотрим насколько печать, привешенная к акту, составляющему редакцию К, соответствует такому выводу. Для ясности приводим рисунок (№ 10):²

Изображения расположены следующим образом:

На одной стороне: Святой в рост, в княжеской шапке.

Надпись: Б и с другой стороны изображе- $\text{РН} = \text{св.}$ благоверный князь О роны изображе- (съ) Борис. ние святого;

На другой стороне: Святой в рост, в правой руке крест (мученик), на голове княжеская шапка, юный. Надпись, до крайности искаженная, читается так:

\circ	\circ		$\wedge \Delta$	$\Delta \Delta$	св. благоверный
$\text{Л} = \Delta$	$= \delta \text{ ѿнос}$		$\text{Р В} = \text{Д В}$	$= \text{Давид}$	$=$ князь Давид $=$
Γ	Γ		\wedge	Δ	князь Глеб.
$\circ,$	$\circ\varsigma$				

Таким образом по типу и изображениям описанная печать сходна с предшествовавшей и точно также имеет изображения свв. князей-мучеников Бориса и Глеба.

¹ См. «Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія» (Киев. 1895. 80), стр. 130.

² Академик А. А. Куник в «Русско-Ливонскихъ актахъ», стр. 448, перечислив количество знаков на печати, отказался читать

их: «... bis jetzt jeder Versuch einer Deutung derselben als misslungen zu betrachten ist». А. А. Куник прибавил верное замечание о сходстве с византийскими памятниками в расположении надписи в виде перпендикулярных колонн.

Сочетание имен — Бориса (княжее имя) и Давида (имя по крещению) встречается и в службе святым: «тропарь гласа 4. Яко благоплодовитаго винограда отрасли добродѣтели суше, небесни дождь благочестіа воспріемше, источиша отъчъству своему струю православіа, Борисе пречюдне съ доблیمь Давыдомь молитесь Господеви съхранити люди и еже на враги княземь пособство даровати и душам нашимь милость» (стр. 155).¹

А. В. Орешников в своем труде: «Матеріалы къ русской сфрагистикѣ» (М. 1903. 8⁰) под № 30 — описал и дал изображение небольшой свинцовой печати, найденной в Тверской губернии; приводим воспроизведение ее на рис. 11.

Рис. 11. Свинцовая печать, найденная в Тверской губернии (хранится в Историческом Музее в Москве).²

Отказываясь разобрать непонятную надпись, А. В. Орешников относительно изображений говорит: «изображения на ней представляют, вероятно, святых Бориса и Глеба». Бросается в глаза сходство печати, изданной А. В. Орешниковым, с вышеописанной буллой одного из сыновей князя Мстислава Романовича. Мало того, приняв во внимание разницу оттисков на серебре и свинце и в то же время поразительное тождество искаженной надписи, читаемой нами как ОАГИОС, приходится высказаться за тождество штемпелей, т.-е. признать единство матрицы.

Известно, что крестное имя князя Мстислава Романовича было Борис, сын его, князь Всеволод вполне мог носить имя Давида — Глеба.

Две печати Смоленских князей с изображениями свв. князей-мучеников Бориса и Глеба несколько отличаются по работе, но принадлежат к одной и той же эпохе. Печати эти, привешенные на одинаковых документах, не могут принадлежать одному князю, но они должны представлять знаки укрепления от двух князей, близких друг к другу, может быть, почти непосредственно сменивших один другого.³ Так нам и представляется — князь Всеволод Мстиславич и князь Глеб Ростиславич. Между печатями этих князей — не более четверти века.

Обе печати — по типу и изображениям — воспоминания предшество-

¹ См. изданные Академией Наук под редакцией Д. И. Абрамовича «Житія святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба и службы имъ» = «Памятники древне-русской литературы», вып. 2-й (Петроград. 1916. 8⁰).

² А. В. Орешниковъ, 1. с., т. II, № 2.

³ Между ними, хотя точная хронология не установлена, следует поставить только в. к. Ростислава Мстиславича, отца Глеба Ростиславича.

вавшей эпохи, по работе — памятники десятилетий, последовавших за роковым концом 30-годов XIII века.¹

Имеем ли мы право объяснять крестными именами князей две печати разных князей, но с одинаковыми изображениями?

На это отвечает родословная таблица Мономаховичей, княживших в Смоленске. Среди Мономахова племени имена свв. князей-мучеников, очевидно, были в большом употреблении. Это заметно и в XII и в XIII столетиях. В Смоленске святые князья чествовались издавна и с особым почитанием, св. Глеб погиб, ведь, в Смоленске: «и яко приде Смолинську и поиде отъ Смолинска яко зръѣимъ едино, ста на Смядинѣ въ кораблици».

Смядынь по отношению к Смоленску представляла то же, что Городище в Новгороде Великом. В отличие от древнего города — поселения, это был княжой город с дворцом княжеским. Главной святыней в этом городе был храм Борисоглебского монастыря. Монастырь пользовался большим значением и был архимандритией. «Теперь», по словам нового историка Смоленска,² «этот монастырь лежит в развалинах, в виде двух больших курганов. Один из этих курганов есть остаток главного храма... Борисоглебский монастырь был обширный, потому что между тем и другим бывшими зданиями не менее 60 сажений» (стр. 16—17).

Почитание свв. Бориса и Глеба Смоленскими князьями было таково, что существует известие, будто бы самые мощи свв. мучеников, были перевезены из Киева на Смядынь.

Д. И. Абрамович в введении к изданным им в 1916 году житиям и службам святым князьям Борису и Глебу определенно говорит относительно составления службы на перенесение мощей свв. Бориса и Глеба (2 мая), что «во всяком случае, можно думать, что она составлена не позже

¹ Графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ в VI вып. издания «Русскія древности въ памятникахъ искусства» (СПб. 1899. 40), разбирая Переяславский потир, говорят: «Потир может считаться памятником русского искусства, или хотя только «мастерства», не пережившего татарского разорения и не перешедшего, поэтому, резкой грани 40 годов XIII века» (стр. 85),

² С. П. Писаревъ «Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ» (Смоленск. 1894. 80). Сведения о раскопках развалин Борисоглебского монастыря см. стр. 19—20. Проф. П. В. Голубовскій в «Исторіи Смоленской земли до начала XV столѣтія», говорит: «самым древним (монастырем) сле-

дует, кажется, считать Смядыньскій, расположенный на реке Смядынке, которая в настоящее время уже совершенно пересохла. Когда основан этот монастырь, мы не знаем, но в 1138 году он уже существовал, так как Смольняне поместили тогда в нем под стражу арестованного ими Святослава Ольговича. В 1145 году Ростислав Мстиславич заложил здесь каменную церковь во имя Бориса и Глеба. Это был особенно уважаемый монастырь, как князьями, так и народом. Князья принимали там пострижение и погребались, как Давид Ростиславич. Там искали Смольняне помощи в своих бедах, и слава о нем, как видно, распространялась далеко...» (стр. 239).

конца XII века (1191 год), когда мощи святых мучеников были перенесены из Вышгорола в Смоленск на Смядынь» (стр. XXII).

Проф. Н. И. Петров склонен признавать это как факт,¹ местный смоленский ученый И. И. Орловский² относится к известию отрицательно, другой смоленский археолог С. П. Писарев положительно,³ проф. В. Г. Ляскоронский⁴ считает известие — фактом недоказанным и невероятным. Во всяком случае, если в достоверности известия есть сомнение, самое появление такой легенды и ее сущность подчеркивают ту степень почитания, каким пользовались в Смоленской области и среди правивших ею князей свв. князья-мученики.

Список Смоленской Торговой Правды, обозначаемый буквою В, начинается вступительной фразой, дающей хронологическое его определение: «се азъ князь Смоленский Александръ докончалъ есмь с Немци || по давнему докончанью, како то докончали отци наши, дѣди наши. || На техъ же грамотахъ целовалъ есмь крестъ, а се моя печать».⁵

Печать князя Александра сохранилась при документе и воспроизведена нами на табл. IX, под № 7. Печать «золотая» больших размеров (37 мм) висит по словам составителя каталога Археологической Выставки Рижского Съезда «an braunen Seidenfäden».

Изображения печати:

Одна сторона: юный всадник, в *нимбе*, скачущий налево, в правой руке меч (а не копье?). Остатки надписи очень не ясны, да и в полном виде она вырезана была с искажением букв:

(A) L e | Z O N
 Δ
 Г

С натяжкой можно читать имя Александра, что является вполне подходящим. Вероятно это один из святых воинов Александров, тезоименный князю, владельцу печати.⁶

¹ См. «Труды Киевской Духовной Академии», за 1893 год, июль, стр. 486—487.

² «Смоленская старина», вып. I, стр. 237—287.

³ С. П. Писаревъ «Было ли перенесение мощей свв. мучениковъ Бориса и Глѣба изъ Вышгорода въ Смоленскъ на Смядынь» (Смоленск, 1897. 80).

⁴ В. Г. Ляскоронский «Киевский Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время» (Киев, 1913. 80), стр. 298—299.

⁵ «Русско-Ливонские акты» (СПб. 1868. 40), стр. 420.

⁶ Акад. А. А. Куник, описывая печать, говорит: «von den eingravirten Buchstaben sind nur vier «... ЗАНД»... zu entziffern, so dass man an den h. Alexander Newski denken möchte...» (стр. 414). Такое предположение относительно святого Александра Невского невозможно.

Другая сторона: воин в рост, стоящий лицом к зрителю, но как будто бы с тенденцией движения налево. Воин этот в нимбе, в длинной одежде, едва ли не в рубашке-кольчуге, руки широко разведены, в правой руке меч с огромной рукояткой (двуручный, рыцарский), на левой руке щит яйцевидной формы. На поле под щитом, видна как, как будто бы, буква *В*. Отметим, что на голове святого заметна или шапка, или шлем. Буква *В* позволяет сделать предположение не остаток ли она надписи: (глѣ) *В* (ѣ)? Это вполне соответствовало бы имени князя, которому принадлежит печать — смоленского князя Александра Глебовича (1297—1312), от которого кроме металлического оттиска имеем и печать на воску,² экземпляр, тиснутый той же матрицей (воспроизведен нами на табл. XXXVI, № 1).¹

Предположенное нами объяснение изображений позволило бы нам и эту печать, относящуюся ко времени около 1300 года, причислить к памятникам старого типа анонимных княжеских печатей с изображениями святых, тезоименитых владельцу печати и его отцу. По работе печать представляет руссификацию изображений западно-европейского искусства (но не геральдического). Влияние византийских образцов совсем утрачено. Отметим, что резчик едва ли не был более знаком с латинским алфавитом, чем с греческим или славянским.

От Смоленских князей сохранилась до нашего времени еще печать сына князя Александра Глебовича, который в документе с этой печатью говорит о себе: «се язъ князь великий Смоленский Иванъ Олександровичъ оунукъ Глѣбовъ»... и прибавляет «како то братъ мой старѣишии Кедименъ докончалъ и ѣго дѣти Глѣбъ и Алкердъ...».³ В Никоновской летописи записана кончина этого князя под 1358/9 годом: «преставися князь Иванъ Александровичъ Смоленский, внукъ Глѣбовъ, правнукъ Ростиславль». Значит это сын великого князя Александра Глебовича и указание на Гедимина только выражение почтения и некоторой зависимости. Грамота написана на бумаге (очень плотной), что для времени, к которому относится — между 1330—1359 годами, среди памятников на русском языке явление

¹ Акад. А. А. Куник отмечает: «dieselben Abbildungen kommen auch auf einem Siegel von Wachs vor, das einer Urkunde des Fürsten 'Alexander Glebowitsch' angehängt ist und in welcher die Rigaer (s. den Abdruck in der «Russisch-Livländischen Urkunden» № XLVII, p. 23) ersucht werden, mit ihm in Frieden zu leben, wie sie mit seinem Vater Gleb Rostislawitsch († 1277) und mit sei-

nem Oheim Feodor Rostislawitsch (s. «Russ.-Liv. Urk.», p. 18) gelebt hätten (p. 414)».

² В каталоге археологической выставки X Археологического Съезда в Риге в 1896 г. эта печать описана под № 932.

³ См. «Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», ч. II, № 8 и «Русско-Ливонские акты», № LXXIII.

весьма раннее.¹ Двухсторонняя желтого воска печать привешена на малиновом шелковом шнурке. По размеру, да и по типу, печать принадлежит еще к сфрагистике металлических булл. Размер не превышает 30 мм. К сожалению в нашем распоряжении только очень неточный рисунок в «Собрании Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» и мы не можем судить о стиле. С одной стороны изображен четырехконечный крест с расширенными концами. Форма креста поздняя, но рисунок, может быть, ее искажил. С другой стороны изображен воин, опирающегося на копье? (или поражающего копейем?); круговая надпись зарисована так, что может возникнуть вопрос — не на латинском ли она языке.

Если изображение св. воина счесть за св. Ивана Воина, как тезоименитого князю Ивану Александровичу, то перед нами тип княжеской печати с изображением тезоименитого святого и с крестом. Княжескую печать такого типа мы находим для более раннего времени в Пскове.

В том же Рижском архиве К. Э. Напьерским найден был единственный в своем роде частный акт XIII столетия. На небольшом куске пергамента изложена какая-то мировая сделка между Якимом и Тешатою. Документ впервые изданный К. Э. Напьерским² был неоднократно переиздан и исследован.³ Заключительные слова: «а псал Довмонтовъ писецъ» указывают на время написания и объясняют кому принадлежит, привешенная к документу, свинцовая печать. Вне всякого сомнения Довмонт⁴

¹ Договорная грамота великого князя Симеона Гордого с братьями — 1340 г. («Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», I, № 23) считается первым сохранившимся русским актом, написанным на бумаге.

² «Bulletin de la classe des sciences historiques» (Академии Наук), см. т. VIII (1850), № 11.

³ Исследование И. И. Срезневского: «Рядная запись съ печатью, XIII вѣка» (в «Запискахъ Императорского Археологического Общества», т. III (СПб. 1851. 80), стр. 220—249, с дополнительными замечаниями К. А. Неволлина. Документ переиздан в «Русско-Ливонскихъ актахъ», под № XXVII — с соображениями, что этот акт «о. О. и. J.» должен считаться написанным «warsch. Polozk, nach 1266». Почти то же сказано и в каталоге выставки Археологического Съезда в Риге в 1896 году (документ описан под № 931): «Urkunde über einen zwischen Teschata und Jakum abgeschlossenen Kauf (Polozk? 13. Jahrh. 2. Hälfte)». В. К. Трутовский в иссле-

довании, помещенном в сборнике в честь графини П. С. Уваровой, доказывает, что Тешата — имя женское, чем и объясняется непонятные в «се порядися» места, — «и на двѣцъ серебро взялъ, а мониста Тѣшатица у Якимовы жены свободна Тѣшятъ взяти».

⁴ Относительно того, где была написана грамота в Полоцке или Пскове ученый редактор «Русско-Ливонскихъ актовъ» академик А. А. Куникъ рассуждает так: «ob nun die Urkunde in Pleskow oder Polozk geschrieben worden, bleibt unbestimmt, die Wahrscheinlichkeit ist einer Seits für Pleskau, weil sich D o w m o n t dort wohl meistens und am längsten aufgehhalten, anderer Seits für Polozk, da sich die Urkunde unter lauter polozkischen Papieren in einem Archive befindet, wo keine pleskautischen Briefschaften vorkommen, wie denn überhaupt Riga mit den Pleskauern nicht (oder bloss)? Verkehr mit Dorpat hatten, dagegen es mit Polozk vielfache Verbindungen und daselbst ungefähr eine eben solche Niederlassung und ein Comptoir hatte, wie Lübeck und die Hanse

грамоты это князь Псковский Довмонт-Тимофей (1265—1299).¹ При таком указании писца естественно ожидать, что и печать привешана княжеская.

В Псковской Судной грамоте сказано:

«(50) А княжей писецъ възметъ по силѣ истъцово ѡтъ позовницы или ѡтъ безсудной грамоты, или ѡтъ приставной, а захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати, а князю запечатать, а не запечатаетъ князь, ино оу Святѣй Троицы запечатать, в томъ измѣны нѣтъ».²

Таким образом сделки укреплялись или княжеской печатью или, если почему либо нельзя было запечатать печатью князя, то «оу Святѣй Троицы» (соборъ Пскова), т.-е. в городском управлении какой именно печатью можно только догадываться.³

Большая свинцовая печать (31—34 мм) при грамоте Якима и Тешаты висит не на шелковом шнурке, а на льняных нитях. С одной стороны схематическое (обычное) изображение Голгофского креста, по сторонам титла: $\overline{IC} — \overline{XC}$. С другой стороны — поясное изображение святого, по-видимому, безбородого, юного, может быть, мученика. Изображение вышло ясно только в одной половине. Правая сторона (т.-е., левая от зрителя) так неотчетлива, что нельзя выяснить даже положение рук святого. Следы надписи позволяют угадывать, что было вырезано в той или другой форме обычное — $\delta \text{ } \bar{\alpha} \mu \omega \varsigma$. Надпись левой стороны в четырех строках сохранилась

прекрасно: $\begin{matrix} \text{ТН} \\ \text{МО} \\ \text{ӨЕ} \\ \text{І} \end{matrix}$. Значит изображен св. Тимофей и мы имеем дело с печатью князя Довмонта.

in Nowgorod, wovon das obengenannte Archiv so viele Beweise enthält» (p. 15).

¹ Князь Довмонт, в святом крещении Тимофей, канонизован святым и читается 20 мая по дню своей кончины. «І наречѣнъ бысть ѿма его во святомъ крещеніи Тимофей, сирѣчь (ъ) благочестивъ». В некоторых списках жития приписано «Гаска(о)», т.-е. имя было наречено в честь Тимофея мученика, жившего в Палестине и замученного в Газе 19 августа 304 г. Князь Довмонт скончался 20 мая 1299 г. «Местное почитание памяти», говорит Е. Голубинский (см. «Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви»), «началось более или менее вскоре после смерти, если не непосредственно после нее, а не позднее как с 1374 г. началось и настоящее местное празднование, ибо в этом году была поставлена в Пскове

церковь во имя святого Тимофея, Доманта князя» (изд. 2, стр. 71). Такое мнение подтверждается существованием проложного жития св. князя Довмонта в пергаменной рукописи XIV века. Текст найден и издан академиком Н. К. Никольским (см. «Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности» (СПб. 1907. 80), № XVI, стр. 116—117.

² «Псковская Судная Грамота», изд. Имп. Арх. Ком. (СПб. 1914. 80), стр. 12, ср. ibidem § 82, стр. 18. О значении печатей, привешивавшихся к грамотам, см. К. А. Неволинъ «Исторія Россійскихъ Гражданскихъ законовъ», т. II, стр. 50, 51, 54, 55.

³ «Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей», IV, стр. 118. Под 1418 годом: «поученіе владыки Семіона Псковичамъ» не вступаться «въ печать», как и во все «пошлины».